

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**МАРГАРЕТ
ЭТВУД**

ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА
ГРЕХОВ

Москва
2017

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
DANCING GIRLS

© 1977, 1982 by O.W.Toad, Ltd.
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Фото автора © Jean Malek

Перевод с английского *С. Чулковой*

Художественное оформление *А. Старикова*

Этвуд, Маргарет.
Э89 Пожирательница грехов / Маргарет Этвуд ; [пер. с
англ. С. Чулковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
288 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-96914-2

«Легкие аплодисменты, пара слов о ней, ничего страшного, это полезно, откройте рты и примите, как витамины, успокоительное. Нет. Не будет им сладкой ее. Она вся сожмется в кулак. Шаг вперед по сцене, слова свились в клубок, она распахнет рот — и зал взорвется от крови».

Рожденный и потерянный ребенок, роза в целлофане, девочка в инвалидной коляске, таинственная одержимость нелепого чужака, удивительные города, где некому жить, баядеры, которых никто не видел, крушение, тихое безумие и вопль отчаяния — жизнь, несмотря ни на что.

Знаменитая канадская писательница, лауреат Букеровской премии Маргарет Этвуд выворачивает души наизнанку, ломает и вновь отстраивает жизни, повергает в прах и воссоздает страхи и страсти.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-96914-2

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Мужчина с Марса

Давным-давно шла Кристин по парку. Теннисный костюм она так и не сняла — не успела принять душ и переодеться. Волосы, убранные назад и стянутые резинкой на затылке, открывали крупное — ни единой плавной линии — лицо, как у русской крестьянки, но без резинки волосы падали на глаза. Послеполуденный воздух был жарок, хотя стоял апрель. На закрытых кортах парило, Кристин была как вареная.

Солнце выманивало стариков отовсюду, где они проводили зиму: недавно Кристин прочитала историю про одного старика, что три года прожил в канализационном люке. Старики, точно водоросли, сидели на скамейках или лежали на траве, подложив под головы квадраты выброшенных газет. Когда Кристин проходила мимо, сморщенные поганки стариковских лиц тянулись к ней, словно их относило течением, а потом медленно и безразлично отворачивались.

Выскочили белки в поисках корма: две белки прыжками, замирая, приближались к Кристин, выжидательно вперившись взглядом, в открытых ртах над скошенными крысиными подбородками обнажены пожелтевшие передние зубки. Кристин ускорила шаг, ей нечего было дать белкам. Людям не стоит их кормить, подумала Кристин, — белки от этого становятся назойливы и паршивеют.

Посреди парка Кристин остановилась, чтобы снять кардиган. Когда же она наклонилась, чтобы подобрать

с земли ракетку, кто-то коснулся оголившейся руки. Кристин редко орала — и теперь только резко выпрямилась и крепко сжала ракетку. Но подошел не один из стариков, а темноволосый мальчишка лет двенадцати.

— Простите, — сказал мальчишка, — я ищу факультет экономики. Это там? — И он указал на запад.

Кристин взгляделась пристальнее. Она ошиблась: не мальчишка, а низкорослый мужчина, ниже ее на голову. Кристин же была девушкой рослой — «величавой», как говаривала ее мать, стараясь ободрить. И еще этот человек был, как выражались в ее семье, «представителем другой культуры»: без сомнения восточного типа, хотя вряд ли китаец. Должно быть, иностранный студент, подумала Кристин, и одарила его доброжелательной вежливой улыбкой. Еще старшеклассницей она была президентом Клуба Объединенных Наций: в том году их школу назначили играть роль египетской делегации на Учебной ассамблее. Задача не из увлекательных — ребята не хотели быть арабами, — но Кристин довела дело до конца и выступила с очень неплохой речью про палестинских беженцев.

— Да, — сказала Кристин, — вон здание факультета. Вон то, с плоской крышей, видите?

А мужчина нервно улыбался. За очками с прозрачной пластиковой оправой его глаза таранились на Кристин, словно через аквариум с золотыми рыбками. Он не пошел, куда она показала, а вместо этого сунул ей зеленый блокнотик и шариковую ручку.

— Рисовать план, — сказал он.

Кристин положила на землю ракетку и аккуратно нарисовала схему, как пройти.

— Мы здесь, — говорила она, отчетливо произнося слова. — Вы идете сюда. Факультет здесь. — Она обозначила маршрут пунктиром, а здание отметила крестиком. Мужчина близко наклонился к ней, внимательно следя, как она рисует: он пахнул вареной цветной капустой

и еще каким-то неизвестным гелем для волос. Дорисовав, Кристин вручила мужчине блокнот и ручку и улыбнулась окончательной улыбкой.

— Погоди, — сказал мужчина. Он вырвал из блокнота зеленый листок со схемой, сложил его аккуратно и спрятал в карман пиджака: рукава до самых костяшек, по краям болтались нитки. Мужчина принялся что-то писать в блокноте: с некоторой брезгливостью Кристин заметила, что ногти его обгрызены до безобразия. На некоторых пальцах — пятна от протекшей шариковой ручки.

— Мое имя. — Мужчина отдал ей блокнот.

Кристин прочитала странный набор аккуратно выведенных печатных букв: И, Г и Н.

— Благодарю, — сказала она.

— Теперь пиши твое имя, — сказал он, протягивая ей ручку.

Кристин замялась. Будь это человек из ее культуры, она бы подумала, что он ее клеит. С другой стороны, для мужчин из ее культуры она была слишком крупная девушка, ее никогда не клеили. Разве только тот официант-марокканец из пивного бара, куда они студентами иногда заходили после заседаний. Марокканец был прямолинеен. Он просто подкараулил ее возле женского туалета и спросил в лоб, а она ответила нет. И все. А этот мужчина не был официантом, он был студентом, и Кристин не хотела его обижать. Наверное, в его стране, какая бы она ни была, этот обмен именами на листочках — форма вежливого общения, как сказать спасибо. И Кристин взяла ручку.

— Очень приятное имя, — сказал он, сложил листок и засунул в тот же карман, где уже лежала схема.

Кристин сочла, что уже выполнила свой долг с лихвой.

— Ну, до свидания, — сказала она. — Приятно было с вами познакомиться. — Она наклонилась, чтобы взять ракетку, но он опередил и держал теперь ракетку перед собой обеими руками, словно трофейное знамя.

— Я несу это для тебя.

— О нет, прошу вас. Не стоит беспокоиться, я спешу, — сказала она, четко произнося слова. Без ракетки она почувствовала себя безоружной. Мужчина зашагал по тропинке: он перестал нервничать и, казалось, совершенно расслабился.

— *Vous parlez français?* — непринужденно спросил он.

— *Oui, un petit peu,* — сказала она. — Не очень хорошо. — Как бы мне так повежливее забрать у него ракетку, гадала она.

— *Mais vous avez un bel accent.* — Он тарашил на нее глаза сквозь очки — он что, заигрывает? Кристин прекрасно знала, что у нее ужасный акцент.

— Послушайте, — произнесла она, в первый раз выказывая нетерпение. — Мне действительно нужно идти. Отдайте, пожалуйста, ракетку.

Он ускорил шаг, он и не собирался отдавать ракетку.

— Куда ты идешь?

— Домой, — ответила Кристин. — Мой дом.

— Я иду теперь с тобой, — сказал он с надеждой в голосе.

— Нет, — сказала она: следует проявить твердость. Кристин рванула вперед, вцепилась в ракетку и вырвала ее после короткого препирательства.

— До свидания, — сказала Кристин, отвернувшись от его недоуменного взгляда и пустилась рысцой; может, теперь до него дойдет. Похоже на бегство от рычащей собаки: нельзя показывать, что боишься. И почему, собственно, она должна бояться? Он в два раза меньше ее, а у нее ракетка, ничего он ей не сделает.

Кристин не оглядывалась, но чувствовала, что он по-прежнему следует за ней. Хоть бы трамвай подъехал, думала Кристин, и трамвай действительно подъезжал, но был еще далеко и стоял на светофоре. Через мгновение, когда Кристин подошла к остановке, мужчина возник

сбоку. Он тяжело дышал. Кристин, закаменев, смотрела перед собой.

— Ты мой друг, — осторожно сказал он.

И Кристин сдалась: он все-таки не заигрывал, он чужестранец и просто хочет познакомиться с кем-то из местных, и разве она не поступила бы точно так же?

— Да, — сказала она, скупой улыбкой.

— Это хорошо, — сказал он. — Моя страна очень далеко.

Кристин не знала, что и ответить.

— Это очень интересно, — сказала она. — Très interessant. — Наконец-то подъезжал трамвай: Кристин открыла сумочку и вытащила билетик.

— Я еду теперь с тобой, — сказал он. И сжал ее руку выше локтя.

— Ты... остаешься... здесь, — сказала Кристин; ей хотелось наорать на него, но она просто делала паузу после каждого слова, будто разговаривала с глухим. Она оторвала его руку — хватка у него слабая, куда ему против ее накачанных теннисом мышц. Кристин соскочила с тротуара и поднялась по ступенькам в трамвай, слушая с облегчением, как с лязгом закрываются за ней двери. Проехав квартал, Кристин позволила себе посмотреть в боковое окно. Он стоял там же, где она его бросила: кажется, что-то записывал в своем блокноте.

Когда Кристин вернулась домой, ей только хватило времени, чтобы перекусить, но и то она едва не опоздала на заседание Дискуссионного клуба. Темой встречи было: «Постановили: Эта Война Устарела». Ее команда выступала «за» и выиграла.

С последнего экзамена Кристин вышла с депрессией. Не в экзамене дело, а в том, что это последний экзамен, означавший конец учебного года. Кристин заскочила в кофейню, как обычно, и пришла домой рано, потому что заняться больше и нечем.

— Это ты, дорогая? — крикнула ей мать из гостиной. Должно быть, она слышала, как хлопнула входная дверь. Кристин вошла и плюхнулась на диван, сбив аккуратно расставленные подушки.

— Как экзамен, дорогая? — спросила мать.

— Нормально, — безучастно сказала Кристин. Все нормально, она сдала экзамен. Она не была блестящей студенткой и знала это, но зато она старательная. В ее курсовых профессора всегда оставляли комментарии типа: «серьезная попытка» и «тщательно продумано, но, пожалуй, не хватает напора», ей ставили «хорошо», иногда даже с плюсом. Кристин занималась по курсу политологии и экономики и по окончании надеялась получить работу при правительстве: с отцовскими связями у нее был неплохой шанс.

— Я рада.

Кристин с досадой подумала, что ее мать имеет весьма смутное представление о том, что такое экзамен. Сейчас мать расставляла в вазе гладиолусы, на руках резиновые перчатки, чтобы не поранить руки, она всегда надевала резиновые перчатки, занимаясь, как она это называла, «домашними делами». Насколько понимала Кристин, такие домашние дела сводились к расстановке цветов по вазам: нарциссы, и тюльпаны, и гиацинты, гладиолусы, ирисы, розы, еще астры, хризантемы. Иногда мать готовила — изящно, пользуясь кастрюлями с подогревом, но это для нее было просто хобби. А все остальное делала служанка. Кристин казалось, что как-то нехорошо держать прислугу. Нынче можно нанять только иностранную прислугу или беременных, и на их лицах написано, что их так или иначе эксплуатируют. Но мать Кристин говорила: а чем еще им заняться? Иначе одним остается жить в приютах, а другим застрять на родине. И Кристин вынуждена была согласиться: пожалуй, так и есть. Как бы то ни было, спорить с матерью трудно. Она такая хрупкая, так хорошо сохранилась,

что, кажется, дохни на нее — и на лоске образуется трещинка.

— Звонил очень приятный молодой человек, — сказала мать. Она закончила расставлять гладиолусы и теперь снимала перчатки. — Он попросил тебя, я сказала, что тебя нет, и мы немного поболтали. Дорогая, а ты мне про него не рассказывала. — Мать надела очки, висевшие на декоративной цепочке через шею, — дала понять, что вышла из декадентского, капризного состояния духа и примеривает облик женщины интеллигентной, передовых взглядов.

— Он представился? — спросила Кристин. У нее было много знакомых молодых людей, но они не так часто звонили: свои деловые вопросы они решали с ней в кофейне или после занятий.

— Он человек другой культуры. Сказал, что перезвонит позднее...

Кристин призадумалась. Она знала немного таких представителей другой культуры, в основном из Великобритании, и они были членами Дискуссионного клуба.

— Он изучает в Монреале философию, — подсказала мать. — Судя поговору, он француз.

И Кристин начала припоминать того человека в парке.

— Я как раз не думаю, что он француз, — сказала она.

Мать снова сняла очки и рассеянно щупала наклоненный гладиолус.

— Ну, во всяком случае, у него был французский говор. — Мать задумалась на мгновение, с цветочным скипетром в руке. — По-моему, будет неплохо, если ты пригласишь его на чай.

Мать Кристин старалась как могла. У нее были еще две дочери, и обе пошли в мать, красивые. Одна уже благополучно замужем, да и у другой определенно не будет проблем. Подруги успокаивали ее насчет Кристин, приговаривая: «Она не толстая, у нее просто широкая кость, в отца», или: «Кристин пышет здоровьем». Две другие

дочери никогда не были общественницами в школе, но поскольку Кристин, скорее всего, никогда не будет красивой, даже если похудеет, ей остается только быть спортивной, политически активной. И хорошо, что у нее много интересов. Мать при всякой возможности старалась поощрять интересы дочери. И Кристин чувствовала, когда мать слишком лукавит: в голосе ее позвякивал упрек.

Кристин знала, что теперь надо бы изобразить радость, но ей ничего не хотелось изображать.

— Я не знаю. Подумаю, — уклончиво ответила она.

— Ты какая-то усталая, солнце мое, — сказала мать. — Может, хочешь молока?

Когда зазвонил телефон, Кристин принимала ванну. Особо мечтательной девушкой она не была, но в ванной часто представляла себя дельфином — эта игра досталась ей от служанки, что купала ее в детстве. Теперь Кристин слышала, как в холле колокольчиком звенит голос матери, а потом в дверь постучали.

— Кристин, тебе звонит этот милый студент-француз, — сказала мать.

— Скажи ему, что я ванной, — ответила Кристин громче, чем следовало. — И он не француз.

Кристин прямо слышала, как нахмурилась ее мать.

— Это будет не очень вежливо, Кристин. Думаю, он не поймет.

— Хорошо, — сказала Кристин. Она вылезла из ванной, обернула розовое крупное тело полотенцем и прошлепала к телефону.

— Алло, — сердито сказала она. По телефону он даже не казался жалким — он раздражал. Удивительно, как он ее нашел: скорее всего, обзвонил по телефонной книге всех абонентов с такой же фамилией, пока не натолкнулся на нее.

— Это твой друг.

— Я поняла, — ответила она. — Как поживаете?

— Я очень хорошо. — Последовала долгая пауза, и Кристин так и подмывало сказать: «Ну, тогда пока» — и повесить трубку. Но она чувствовала, что в дверях спальни замерла мать, точеная как статуэтка. Потом он сказал: — Надеюсь, ты тоже хорошо.

— Да, — ответила Кристин. Она не собиралась поддерживать разговор.

— Я прихожу на чай, — сказал он.

Это заявление застало Кристин врасплох.

— Вы серьезно?

— Твоя приятная мама пригласила меня. Я иду четверг, в четыре часа.

— О, — неучтиво заметила Кристин.

— Тогда до встречи, — сказал он тоном человека, освоившего трудную идиому.

Кристин положила трубку и прошла через холл. Мать с невинным видом сидела в кабинете за письменным столом.

— Ты пригласила его на чай в четверг?

— Не совсем так, дорогая, — сказала мать. — Я просто обронила, что как-нибудь он может заглянуть к нам на чай.

— Так вот, он придет в четверг. В четыре часа.

— А что такого? — безмятежно поинтересовалась мать. — Я думаю, мы просто поступаем как воспитанные люди. И мне кажется, что тебе стоит проявить больше дружелюбия. — Мать явно была довольна собой.

— Поскольку пригласила его ты, — сказала Кристин, — слабо тебе его развлекать? Будем воспитанными людьми вместе.

— Кристин, дорогая, — сказала мать — она была шокирована. — Надень халат, ты простудишься.

Полчаса Кристин дулась, а потом попыталась представить себе это чаепитие как нечто среднее между экзаменом и совещанием. Хорошего, конечно, мало, но разделаюсь с этим как можно деликатнее. И впрямь как

воспитанные люди. Когда в четверг утром привезли из «Патисъери» заказанные матерью пирожные, Кристин заволновалась, точно перед праздником: даже решила сменить юбку с блузкой на платье, из самых красивых. В конце концов, она ничего не имеет против него, не считая воспоминания, как он сначала схватил ее ракетку, а потом вцепился в руку. Кристин отмахнулась от мимолетной маловероятной картинки: вот она бежит от него по гостиной, швыряет в него подушки с софы и вазы с гладиолусами. И все же Кристин предупредила служанку, что чай будут пить в саду. Ему это будет приятно, да и места больше.

Кристин подозревала, что мать постарается пропустить чаепитие, придумает отговорку, чтобы уйти как раз в момент его прихода: оценить гостя, а потом оставить их наедине. Мать и раньше такое проделывала: на сей раз отговоркой стало заседание симфонического комитета. Так оно и вышло: мать предусмотрительно забыла, куда положила перчатки, и ах — нашла, именно в тот момент, когда в дверь позвонили. Кристин потом неделями смаковала эту сцену: у матери отвисает челюсть, но мать мгновенно берет себя в руки, когда ей представляют гостя — вовсе не иностранного монарха, которого она резво нарисовала в своем дымчатом хрупком воображении.

Он подготовился к празднику. Нанес на волосы столько геля, что, казалось, на голове сидит плотная лакированная кожаная шапочка. И еще обрезал нитки на обшлагах, и надел убийственный оранжевый галстук. И все же, когда он пожимал материну руку, вдруг оказавшуюся в белой перчатке, Кристин обратила внимание, что синие пятна на пальцах почти незаметны. Лицо его покраснелось — наверное, он предвкушал, как его сейчас хорошо примут. Через плечо у него висел крошечный фотоаппарат, и он курил сигарету с экзотическим запахом.

Кристин провела его в прохладную гостиную, устланную мягким цветастым ковром: через французское окно они ступили в сад.

— Присаживайтесь, — сказала она. — А девушка принесет нам чай.

Девушка приехала из Вест-Индии: родители Кристин были очарованы этой юной особой, когда отдыхали там на Рождество, и привезли девушку с собой в Канаду. Тут служанка успела забеременеть, но мать Кристин ее не уволила. Сказала, что немного разочарована, но этого можно было ожидать, и какая разница — забеременеет девушка до того, как ты ее наймешь, или после. Мать Кристин гордилась своей терпимостью — к тому же служанку нелегко найти. Странно, но девушка становилась все невыносимее. То ли не разделяла мнение относительно хозяйкиной великодушной особы, то ли чувствовала, будто что-то сошло ей с рук и теперь можно всех презирать. Сначала Кристин пыталась общаться с ней как с ровней. «Не называйте меня мисс Кристин», — сказала она и рассмеялась с наигранным добродушием. «И как же мне тогда к вам обращаться?» — спросила девушка и состроила гримасу. Потом были краткие, хмурые стычки на кухне, и Кристин думала тогда, что это похоже на перебранки двух служанок. Что к одной, что к другой мать относилась одинаково: и та и другая неудовлетворительны, но придется с этим мириться.

На кухне уже было приготовлено блюдо с пирожными, лоснящимися от глазури, уже засыпана заварка, а на разделочном столе кипел электрочайник. Кристин потянулась было к чайнику, но служанка, которая до сих пор сидела, опираясь локтями на кухонный стол, и безразлично наблюдала за Кристин, вдруг вскочила, чтобы ее опередить. Кристин стояла и смотрела, как девушка наливает кипяток в заварной чайник, а потом сказала:

— Я отнесу, Эльвира. — Она посчитала, что не стоило бы прислуге видеть оранжевый галстук гостя. Она